

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ
УДК 340:004

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
ЮРИСДИКЦИОННОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Павленков Роман Васильевич,

начальник Волгоградской академии МВД России,
кандидат экономических наук, доцент;
pravlenkov@mvd.ru

Редько Александр Александрович,

первый заместитель начальника Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
aredko3@mvd.ru

Губанова Виктория Владимировна,

адъюнкт Волгоградской академии МВД России;
Viktoriagub@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется потенциал внедрения цифровых технологий в процессы юрисдикционного правоприменения. Выявляется комплекс предпосылок для реформирования механизма правового регулирования в указанном направлении. По результатам сравнительного анализа современных подходов к правоприменению в процессуальных отраслях права обосновывается целесообразность применения административно-деликтной модели автоматизированного производства при привлечении к уголовной ответственности по преступлениям, совершенным в условиях очевидности и предполагающим наказание в виде штрафа; предложен алгоритм процессуальной оптимизации расследования указанной категории дел. Аргументируется необходимость автоматизации рутинной следственной деятельности по сбору, систематизации, анализу и оценке данных через внедрение модуля, формирующего цифровой профиль личности на основе совокупности данных из различных источников. Для

повышения эффективности борьбы с правонарушениями информационно-коммуникативного характера, а также развития технической основы функционирования отдельных механизмов правовой цензуры в цифровой среде предлагается использовать интеллектуальные системы мониторинга и выявления противоправного контента.

Ключевые слова: юрисдикционное правоприменение, автоматизация правоприменения, искусственный интеллект в праве, модернизация следственной деятельности, инновации в праве

Для цитирования: Павленков Р. В., Редько А. А., Губанова В. В. Совершенствование юрисдикционного правоприменения в условиях цифровой действительности // Тракта́т правовых инициатив. 2026. № 1. С. 10–18.

IMPROVING JURISDICTIONAL LAW ENFORCEMENT IN THE CONTEXT OF DIGITAL REALITY

Pavlenkov Roman Vasilievich,

Chief of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor;
rpavlenkov@mvd.ru

Redko Aleksandr Aleksandrovich,

First Deputy Chief of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior
of Russia,
Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor;
aredko3@mvd.ru

Gubanova Victoria Vladimirovna,

Adjunct of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia;
Viktoriagub@mail.ru

Abstract. The article analyzes the potential of integrating digital technologies into the processes of jurisdictional law enforcement. A set of preconditions for

reforming the legal regulation mechanism in this direction is identified. Based on the results of a comparative analysis of modern approaches to law enforcement in the procedural law branches, the advisability of applying an automated administrative tort model while prosecuting for crimes committed in the context of an objective evidence and implying the imposition of a fine is substantiated; the algorithm of procedural optimization of investigation of the specified case category is proposed.

The authors substantiate the necessity to automate routine investigative activities for the collection, systematization, analysis and evaluation of data through the introduction of a module that forms a digital personality profile based on a set of data from various sources. To improve the effectiveness of fight against information and communication-related offenses, as well as to develop the technical basis for the functioning of individual legal censorship mechanisms in the digital environment, it is proposed to use intelligent monitoring and identify illegal content systems.

Keywords: jurisdictional law enforcement, automation of law enforcement, artificial intelligence in law, modernization of investigative activities, innovations in law

For citation: Pavlenkov R. V., Redko A. A., Gubanova V. V. Improving Jurisdictional Law Enforcement in the Context of Digital Reality. *Journal of Legal Initiatives*, 10–18, 2026. (In Russ.).

Введение. Современная цифровая эпоха формирует новые параметры социальной реальности, требующие пересмотра устоявшихся юридических конструкций и подходов. Прежняя парадигма правового регулирования общественных отношений на протяжении десятилетий задавала вектор функционирования правовых институтов в различных отраслях права, однако в актуальных условиях она расшатывается под давлением новых

социально-правовых реалий и в отдельных ситуациях стремительно утрачивает способность адекватно реагировать на вызовы времени. На наш взгляд, она остро нуждается в корректировке с учетом цифровизации общественной среды и распространения средств объективной фиксации окружающей действительности.

Особо показательным примером в контексте вышеуказанной проблемы является сложная, многогранная, многоаспектная деятельность правоприменителя. Данный субъект исторически призван решать задачи, требующие высокого уровня профессиональной подготовки, эрудиции, критического мышления.

В основе его деятельности – анализ и синтез доказательственной информации, формирование версий, логическая реконструкция событий, установление сложных причинно-следственных связей между действиями субъекта, наступившими последствиями и иными элементами состава преступления. Правоприменитель – это аналитик и стратег, оперирующий арсеналом дедуктивных и индуктивных методов в целях отыскания истины как в стандартных, так и в самых неочевидных юридических ситуациях.

Зачастую современный правоприменитель осуществляет свою профессиональную деятельность, весомая часть которой сводится к выполнению механической, рутинной работы, в условиях перманентной сверхнагрузки. Вместе с тем современная техническая среда формирует принципиально новый тип доказательства – зафиксированное автоматически, в реальном времени. Например, по преступлениям, совершенным в условиях очевидности, такая важная фигура в правоприменении, как следователь, фактически выполняет функцию обычного «юридического клерка», документируя довольно понятные обстоятельства, и, таким образом, в ущерб расследованию действительно сложных преступлений, требующих высочайшей интеллектуальной вовлеченности и психического сосредоточения, тратит

значительное

количество времени на оформление процессуальных документов по делам, в которых фактическая картина уже ясна и подтверждена объективными данными.

Камеры наружного и внутреннего видеонаблюдения, автомобильные видеорегистраторы, мобильные телефоны и системы умного города позволяют установить не только событие преступления, но и лицо, его совершившее, время, место, средства, нередко мотив и другие элементы состава преступления.

Тем не менее, несмотря на такую радикальную трансформацию информационного фона, правоприменительная система продолжает функционировать в парадигме, сложившейся задолго до появления цифровой фиксации. При наличии полной фактической картины, соблюдении ряда условий, не вызывающих сомнений, уголовно-процессуальный механизм продолжает работать по традиционному пути: возбуждение уголовного дела; проведение допросов, очных ставок, осмотров, освидетельствований; назначение экспертиз, сопровождающихся составлением большого массива процессуальных документов; подготовка обвинительного заключения и т. д. Формальный подход к процессу правоприменения, невзирая на очевидность зафиксированных событий, дублирует уже установленные техническими средствами факты и влечет чрезмерные издержки – временные, организационные и финансовые. Оплата труда следователя / дознавателя, прокурора, судьи, сотрудников аппарата суда, бумага, картриджи, амортизация техники – все это ведет к значительному расходованию ресурсов, объективно несоразмерному сложности конкретного дела. Затраты, необходимые для судопроизводства по одному уголовному делу, по примерным расчетам достигают от $\approx 100\ 000$ до $\approx 160\ 000$ руб. (табл. 1)

**Примерный расчет затрат, необходимых для судопроизводства
по одному уголовному делу**

Категория расходов	Детализация	Сумма
Оплата труда следователя	$\approx 76\ 000$ руб./мес $\rightarrow \approx 2\ 923$ руб./день $\times 15$ дней	$\approx 43\ 845$ руб.
Оплата труда прокурора	$\approx 90\ 000$ руб./мес $\rightarrow \approx 4\ 090$ руб./день $\times 5$ дней	$\approx 20\ 450$ руб.
Оплата труда районного судьи	$\approx 150\ 000$ руб./мес $\rightarrow \approx 6\ 818$ руб./день $\times 10$ дней (общий порядок) / 2 дня (особый порядок)	$\approx 68\ 180$ руб. (общий порядок) / $\approx 13\ 626$ руб. (особый порядок)
Бумага и печать	≈ 600 листов бумаги с учетом правок руководителя следственного органа, сопроводительных документов, постановлений / представлений прокурора, постановлений / определений суда (≈ 600 руб.) + краска / износ принтера (≈ 1000 руб.)	$\approx 1\ 600$ руб.

Прочие расходы	Коммунальные услуги (освещение, вода, теплоснабжение), канцелярия, транспортные расходы, почта и т. д. (≈ 1000 руб./день) из расчета на рабочие дни каждого органа власти (15 рабочих дней следователя, 5 рабочих дней прокурора, 2 / 10 рабочих дней судьи)	$\approx 30\ 000$ руб. (общий порядок) / $\approx 20\ 000$ руб. (особый порядок)
Итого: $\approx 164\ 075$ руб. (общий порядок) / $\approx 99\ 523$ руб. (особый порядок)		

Если подобная процедура оправдана в отношении преступлений средней тяжести и выше, то в случаях с очевидными, зафиксированными посредством технических средств преступлениями небольшой тяжести (и в отдельных случаях – средней тяжести) она превращается в механизм неэффективного расходования государственного бюджета. Пересмотр подхода к расследованию подобных дел позволит существенно снизить эти расходы, а высвобожденные ресурсы – перераспределить в пользу приоритетных направлений работы следственных органов.

Кроме того, ситуация подкрепляется действующими негласными нормативами, в соответствии с которыми следователь обязан обеспечивать стабильную статистику направляемых в суд дел (как правило, не менее двух-трех в месяц, так называемая перспектива). В результате деятельность следователя деформируется под давлением количественных показателей: приоритет отдается делам, не требующим глубокой следственной работы, но

позволяющим в короткие сроки обеспечить «отчетность».

Тем самым высококвалифицированный субъект уголовного преследования оказывается погружен в сферу технически-канцелярского воспроизводства уже установленных обстоятельств. Указанный дисбаланс становится особенно ощутимым в условиях кадрового дефицита в следственных подразделениях

и высокого уровня служебной нагрузки.

Очевидно, что в таких условиях отсутствие адаптации уголовно-процессуального законодательства к цифровой среде вступает в противоречие с технологическим развитием общества и создает избыточную нагрузку на следственные органы, снижая эффективность уголовно-правовой политики государства. Соглашаясь с артикулированной в современной научной доктрине мыслью о том, что «в настоящее время начался новый этап развития российского законодательства... усиливается актуальность укрепления научных основ в сфере права и законодательства» [1, с. 13–14], добавим, что упомянутое «укрепление» подразумевает научно-теоретическое осмысление новых, отвечающих вызовам времени факторов совершенствования механизма правового регулирования, инициирование их имплементации в правовую систему.

Методы. В соответствии с целью и задачами исследования для анализа проблемы и выработки предложений по цифровой трансформации уголовного судопроизводства были использованы: методы системного анализа и синтеза, позволившие рассмотреть уголовно-процессуальную систему в контексте цифровизации, выявить внутренние противоречия и взаимосвязи между ее элементами, а также спроектировать целостную модель оптимизации; формально-логический метод, при помощи которого получены четкие определения правовых понятий, сформулированы критерии автоматизации и построения алгоритмизированных процедур;

сравнительно-правовой метод, позволивший осуществить сопоставление подходов к автоматизированному производству в административном и уголовном праве, анализ зарубежного опыта и выявление потенциала имплементации успешных моделей в уголовный процесс; эмпирический анализ, включающий обработку данных о финансовых и временных затратах на традиционное уголовное судопроизводство, представленных в табличной форме, что позволило количественно обосновать необходимость реформ.

Результаты. В современных условиях отмечается необходимость совершенствования, а в ряде случаев и трансформации традиционных подходов к юрисдикционному правоприменению. Особенно остро данный запрос проявился в уголовно-процессуальной отрасли права. Сложившаяся в ней ситуация требует принципиальной концептуальной переоценки: прежде всего – пересмотра необходимости применения полного объема уголовно-процессуальных процедур в отношении деяний, которые в силу объективных обстоятельств могут быть квалифицированы и санкционированы в упрощенном, автоматизированном порядке. В современных условиях назрела потребность в перераспределении функциональной нагрузки, в том числе за счет внедрения элементов автоматизации и упрощенного порядка фиксации и рассмотрения некоторых категорий преступлений по аналогии с административно-деликтной моделью, уже успешно реализованной в практике привлечения к административной ответственности. С помощью систем фото- и видеофиксации в отношении лиц, допустивших правонарушения (проезд на запрещающий сигнал светофора (регулирующего), превышение установленной скорости движения и т. д.), автоматически выносится постановление об административном правонарушении, назначается санкция в виде административного штрафа. Система позволяет оперативно

реагировать на правонарушения, экономя ресурсы как правоохранительных органов, так и граждан.

В указанной плоскости парадокс современной правоприменительной практики заключается в том, что в отдельных случаях административные деликты могут быть значительно более неоднозначными с правовой точки зрения, чем некоторые преступления. Так, в случае, если водитель, нарушая установленный скоростной режим, фактически не создавал угрозы причинения вреда общественным отношениям и действовал при обстоятельствах, исключающих производство по делу об административном правонарушении (например, в состоянии крайней необходимости доставлял больного человека в медицинское учреждение по пустой дороге), автоматическая фиксация превышения скорости порождает неоднозначную

ситуацию. Водитель транспортного средства становится перед выбором: либо оспаривать решение в порядке обжалования, либо в силу незначительности размера штрафа, воспользовавшись «скидкой» за его оперативное погашение, согласиться с административным решением, осознавая при этом его несправедливость. Не вызовет удивления тот факт, что во многих случаях граждане выберут второй путь, предпочитая избежать временных издержек на оспаривание административного решения. В то же время при наличии преступления, совершенного в условиях полной очевидности и зафиксированного на видеозаписи, на которой отчетливо видно лицо, поведение и обстановку в момент совершения преступления, уголовно-процессуальная система требует проведения полного цикла уголовного судопроизводства.

Подобный дисбаланс правоприменения особенно парадоксален с учетом того, что поиск сущностной природы взаимодействия административного и уголовного права приводит к выводу об их общей публично-правовой природе, охранительном характере правовых норм и близости базовых

принципов юридической ответственности. Обе отрасли права исторически восходят к такой юридической практике, в рамках которой изначально не проводилось четкого различия между преступлениями и административными правонарушениями. В ряде зарубежных государств подобное разграничение отсутствует и сегодня: все формы противоправного поведения, влекущие юридические санкции, охватываются рамками уголовного права, тогда как административное – в прямом своем смысле (*administrate* – «управлять, контролировать») – направлено на вопросы внутреннего управления – регулирования порядка выборов,

лицензирования и т. д. В российской правовой системе на современном этапе граница между административными правонарушениями и преступлениями формально проведена, однако нередко она остается гибкой. Данный факт подтверждается и в научной литературе, где справедливо подчеркивается, что разграничение между административными правонарушениями и преступлениями имеет во многом условный характер [2].

Вместе с тем внедрение элементов административно-деликтной практики в сферу уголовного судопроизводства не может осуществляться спонтанно. Такой шаг требует тщательной нормативно-правовой регламентации условий, при которых упрощенный порядок фиксации и санкционирования может быть признан допустимым в рамках уголовного процесса. Прежде всего, это предполагает определение критериев объективности фиксации события преступления, достаточных для отказа от традиционного комплекса следственных действий.

Среди таких критериев целесообразно установить минимальные технические параметры записывающего устройства, в частности разрешение видеозаписи не ниже 1920×1080 пк, наличие четкой фиксации лица правонарушителя в анфас и профиль, а также непрерывность

видеоряда на протяжении установленного минимального временного интервала (например, не менее 30 секунд, в том числе с фиксацией обстановки до и после совершения деяния). Обязательным элементом в рамках такого процесса должно стать проведение специальной криминалистической экспертизы, направленной на исключение признаков подделки или генерации изображения с использованием технологий создания дипфейков. При соблюдении указанных условий допустимо формирование обвинительного заключения и последующее направление дела в суд без проведения допросов, очных ставок, осмотров и иных традиционных следственных действий в рамках предварительного расследования. Применение данного механизма следует ограничить строго определенной категорией преступлений небольшой тяжести и в отдельных случаях средней тяжести, предполагающих наказание в виде уголовного штрафа. В частности, в перечень таких преступлений из числа подследственных следователям органов внутренних дел Российской Федерации необходимо включить следующие составы:

1. Часть 1 ст. 124 УК РФ. Неоказание помощи больному.
2. Часть 1 ст. 124.1 УК РФ. Воспрепятствование оказанию медицинской помощи.
3. Часть 2 ст. 158 УК РФ. Кража, совершенная: а) группой лиц по предварительному _____ сговору; б) с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище; в) с причинением значительного ущерба гражданину; г) из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем.
4. Часть 1. ст. 179 УК РФ. Принуждение к совершению сделки или отказу от ее совершения.

5. Часть 1 ст. 215.2 УК РФ. Приведение в негодность объектов жизнеобеспечения.

6. Статья 259 УК РФ. Уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации.

7. Часть 2 ст. 260 УК РФ. Незаконная рубка, а равно повреждение до степени прекращения роста лесных насаждений или не отнесенных к лесным насаждениям деревьев, кустарников, лиан, если эти деяния совершены: а) группой лиц; б) утратил силу; в) лицом с использованием своего служебного положения; г) в крупном размере.

8. Часть 1. ст. 267 УК РФ. Приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения.

9. Статья 267.1 УК РФ. Действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств.

Для реализации предлагаемой модели юрисдикционного правоприменения представляется целесообразным институциональное оформление специального подразделения в системе органов предварительного расследования, наделенного функцией обработки зафиксированных техническими средствами преступлений, подпадающих под установленные технико-правовые критерии. По аналогии с уже функционирующими в административной юрисдикции Центрами автоматизированной фиксации административных правонарушений (ЦАФАП) может быть создана структура, например, Центры автоматизированной фиксации преступлений (ЦАФП), в задачи которой войдет весь цикл упрощенного производства до направления обвинительного заключения в суд: проверка соответствия видеоматериалов установленным критериям допустимости автоматизированного порядка

оформления преступления, обеспечение проведения криминалистической экспертизы на установление подлинности видеозаписи, подготовка обвинительных заключений. Уже здесь необходимо подчеркнуть, что, по нашему мнению, все эти процедуры будут автоматизированы и должны выполняться с помощью инструментов искусственного интеллекта в следующих алгоритмах: поступление сообщения о преступлении – получение видеоизображения – автоматическая проверка видеоизображения на качество, подлинность и отсутствие дополнительной генерации – идентификация преступника по биометрическим данным – генерация дежурным следователем-оператором обвинительного заключения – сбор имеющихся данных из открытых источников (государственный аналог платформы «Глаз Бога»), характеризующих преступника (социальные сети, маркетплейсы, мессенджеры, сайты ретейла, резюме и т. д.), – направление в электронном формате материалов в судебный участок дежурному судье – вынесение приговора – направление материалов

на портал государственных услуг для уведомления осужденного и взыскания уголовного штрафа.

При этом у судьи остается возможность принятия решения о перенаправлении материалов уголовного дела в обычный формат судопроизводства.

Совершенствование юрисдикционного правоприменения через внедрение автоматизированных алгоритмов сбора, обработки и распределения юридически значимой информации становится особенно актуальным в условиях стремительной цифровизации городской среды, которая уже сегодня представляет собой такое пространство, где значительная часть публичной активности фиксируется с помощью камер видеонаблюдения, беспилотных летательных аппаратов, автомобильных регистраторов, мобильных устройств и других средств объективного

контроля. Технологии «Умный город» и «Безопасный город» обеспечивают возможность в режиме реального времени получать и анализировать массивы визуальных данных о совершаемых административных правонарушениях и преступлениях. В условиях цифровой трансформации правоприменительной практики последовательным шагом станет внедрение технологий автоматической идентификации лиц, зафиксированных при совершении противоправного деяния. Наравне с государственной инициативой, направленной на функционирование Единой биометрической системы (далее – ЕБС), которую рационально использовать в правоохранительной деятельности, другим потенциально результативным вектором развития в этом контексте представляется сотрудничество с кредитно-финансовым сектором, который в последние годы существенно нарастил объемы биометрических баз данных. Процедура идентификации клиента стала неотъемлемой частью банковской деятельности: при открытии счетов, получении кредитов, оформлении карт и подключении к дистанционному обслуживанию собираются и обрабатываются биометрические изображения граждан. Уже сегодня миллионы пользователей вовлечены в такую систему, а с учетом тенденции к дальнейшему распространению цифровых сервисов можно говорить о том, что повсеместная интеграция граждан в биометрическую инфраструктуру – лишь вопрос времени. В этой связи целесообразной представляется разработка программного обеспечения, позволяющего в рамках процессуального взаимодействия правоохранительных органов с банковским сектором и государственной системой ЕБС осуществлять автоматическое сопоставление изображений лиц с мест совершения преступлений с имеющимися в биометрических хранилищах банков данных.

Обсуждение. Предлагаемые нововведения определяют перспективы более глубокой цифровой трансформации юрисдикционной деятельности органов публичной власти, осуществляющих правоохранительную функцию, включая организацию и технологическое обеспечение следственной работы. Вместе

с тем автоматизация уголовного правоприменения не должна ограничиваться лишь отдельными категориями правонарушений. В условиях стремительного развития технологий обработки данных и машинного анализа информации становится очевидной необходимость более широкого внедрения инструментов искусственного интеллекта в юридические процедуры противодействия правонарушениям любой степени тяжести. Современные алгоритмы машинного обучения, обладающие способностью к распознаванию сложных паттернов, позволяют реализовать комплексный подход к сбору, систематизации, анализу

и оценке информации, имеющей значение для квалификации противоправного деяния. Особенно перспективным представляется создание автоматизированного модуля, способного сформировать цифровой профиль фигуранта на основе информации из ряда источников. В такой профиль, в частности, должны быть включены: данные адресно-паспортного учета, кредитная история и сведения о наличии или отсутствии транспортных средств и недвижимого имущества, позволяющие получить представление об уровне материального благосостояния человека; информация о судимостях и административных правонарушениях. Важным компонентом цифрового досье должны стать сведения, отражающие личностные и деловые качества, а также социальный, профессиональный и поведенческий облик личности: данные из резюме и анкет на платформах трудоустройства (Headhunter, «Работа.ру», SuperJob, «Авито Работа» и др.), активность на

платформах ретейла («Авито», «Юла», Ебай и др.), контент из социальных сетей

и мессенджеров, следы участия в форумах, а также цифровые признаки профессионального статуса (портфолио, публикации, участие в профессиональных сообществах). Кроме того, следует учитывать сведения об образовании, повышении квалификации, наличии государственных и ведомственных наград, особенностях правового и социального статуса (например, о наличии званий почетного гражданина, ветерана труда, об участии в волонтерских программах и т. д.). Реализация подобной интегративной

модели обработки данных позволит существенно снизить трудоемкость рутинных этапов деятельности по принятию правоприменительных решений, устранив необходимость в многочисленных ручных запросах, длительном ожидании ответов от различных инстанций, их обработке и систематизации.

В контексте трансформации юрисдикционного правоприменения под влиянием процессов цифровизации отдельного внимания заслуживают составы правонарушений, предусмотренные ст. 20.3.3 КоАП РФ, 280.3 и 280.4 УК РФ, устанавливающими юридическую ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации, и публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства. Ввиду информационно-коммуникативной природы указанных составов правонарушений юрисдикционное производство по делам данной категории преимущественно заключается в сборе и анализе текстового, аудио- и видеоконтента, размещенного в открытом доступе, прежде всего в социальных сетях и на платформах видеохостингов. Поиск и анализ такого рода информации являются задачами, которые в современных условиях с высокой степенью эффективности могут быть делегированы алгоритмам

искусственного интеллекта. Речь идет о внедрении интеллектуальных систем, способных осуществлять автоматизированный мониторинг цифрового пространства и эффективно выявлять контент, содержащий признаки дискредитации, по ключевым словам (например, «москаль», «москаляка», «русня», «кацап» и т. д.), речевым оборотам и языковым паттернам, направленным на формирование негативного образа Вооруженных Сил Российской Федерации. Наряду с анализом текстовой информации алгоритмы способны проводить идентификацию аудио- и видеоконтента, включая распознавание речи, мимики, визуальных символов и звуковых сигналов, совмещая данные из разных форматов, для комплексной оценки информационного посыла. Интеграция технологий искусственного интеллекта в расследование и административное производство по указанным правонарушениям позволит существенно повысить эффективность реагирования на современные информационные угрозы, а также частично освободить субъектов правоохранительной деятельности от трудоемких операций по мониторингу, идентификации и фиксации противоправного контента.

Эффективное противодействие правонарушениям, имеющим информационно-коммуникативную природу, на современном этапе требует концептуальных решений, в частности, опоры на межотраслевой институт правовой цензуры как средства защиты информационного пространства государства от идеологических атак. Реализация предложенной модели автоматизированного анализа контента на основе заданных параметров создает техническую основу для устойчивого функционирования отдельных механизмов правовой цензуры в цифровой среде. В конечном счете развитие описанной модели направлено на формирование устойчивого и качественного правового и информационного пространства государства.

Заключение. Таким образом, современные технологические реалии, характеризующиеся повсеместной цифровизацией и распространением объективного видеоконтроля, требуют пересмотра устоявшихся подходов к организации юрисдикционного правоприменения. В частности, в условиях хронической загруженности следственных органов и дефицита ресурсов целесообразным представляется внедрение в уголовно-процессуальную сферу элементов, апробированных в административно-деликтной практике, прежде всего в отношении деяний, санкции за которые предусматривают штрафы. Преступления, совершенные в условиях полной объективной фиксации, могут и должны рассматриваться в упрощенном порядке, предполагающем автоматизированное формирование обвинительного заключения при соблюдении строгих технических и правовых критериев.

Реализация предлагаемой модели позволит перераспределить следственные ресурсы, высвободив время и интеллектуальный потенциал сотрудников для работы с преступлениями, объективно требующими полноценного уголовного судопроизводства. Речь идет о категориях уголовных дел, в которых установление истины невозможно без аналитической деятельности, направленной на реконструкцию событий, установление причинно-следственных связей, выдвижение и проверку следственных версий, – того интеллектуального и профессионального потенциала, ради которого и был создан институт предварительного следствия.

На современном этапе развития цифровых технологий и трансформации социальной среды особую актуальность в проблеме повышения эффективности организации правового регулирования приобретает формирование интегрированной системы автоматизированного сбора,

систематизации, анализа и оценки информации, необходимой для качественного и оперативного расследования преступлений и производства по делам об административных правонарушениях. Кроме того, использование технологий искусственного интеллекта для выявления, анализа и оценки противоправного контента позволит не только повысить эффективность реагирования на информационные угрозы, но и станет важным элементом реализации концепции правовой цензуры как межотраслевого механизма защиты информационного пространства государства.

Высокотехнологичные преступления развиваются по экспоненте, однако до настоящего времени субъекты их расследования «остаются на подступах к ойкумене». Вызывает беспокойство опасение следственных органов вторгаться в преступную сферу, когда, например, похищена цифровая картина «Майнкрафт», взломан и используется в преступных целях аккаунт в социальных сетях с многомиллионными подписчиками, осуществляется преступный сговор в RPG (от англ. role-playing game – «ролевая игра») под вымышленными аватарами, осуществляется сбыт наркотических средств и их прекурсоров за виртуальную временную валюту с последующей монетизацией в биткойны и многое другое. Полагаем, что высвободившееся время следователя можно и нужно использовать именно в указанном направлении с одновременной корректировкой учебных планов ведомственных образовательных организаций.

В долгосрочной перспективе подобная реформа создает предпосылки для формирования гибкой и адаптированной к цифровой среде модели юрисдикционного правоприменения, способной эффективно отвечать на вызовы современности.

Список источников

1. Научные концепции развития российского законодательства: монография / В. Р. Авхадеев, Е. Г. Азарова, Л. В. Андриченко [и др.]; под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 8-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, 2024. 656 с.

2. Шавырина А. С. Вопросы соотношения преступлений и смежных административных правонарушений // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 1. С. 256–260.

References

1. Nauchnye koncepcii razvitija rossijskogo zakonodatel'stva: monografija / V. R. Avhadeev, E. G. Azarova, L. V. Andrichenko [i dr.]; pod red. T. Ja. Habrievoj, Ju. A. Tihomirova; Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenija pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii. 8-e izd., pererab. i dop. Moskva: Norma, 2024. 656 s.

2. Shavyrina A.S. Voprosy sootnoshenija prestuplenij i smezhnyh administrativnyh pravonarushenij // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2010. № 1. S. 256–260.

Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником; не содержит сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования; ранее не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях.

02.02.2026

В.В. Губанова